

УДК 330.322.3:005.8:005.412

DOI: 10.18799/26584956/2025/4/2075

Шифр специальности ВАК: 5.2.6

Проблема социального значения, языковые идеологии и терминологическое планирование: социально-философский и социолингвистический подходы

И.Б. Ардашкин¹✉, А.И. Ардашкина²

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, г. Томск*

✉ ibardashkin@tpu.ru

Аннотация. *Актуальность* рассматриваемой темы обусловлена растущим интересом к изучению языка как формы социального поведения. Современная социальная реальность представляет собой сложный конгломерат традиционных и нетрадиционных форм индивидуального и группового взаимодействия, где язык (языковые выражения) выступает наиболее важным индикатором идентификации человека, группы, сообщества, за которой могут обнаруживаться различные идеологические основания. Изучение таких оснований и инструментов их реализации (в рамках статьи это терминологическое планирование и языковые идеологии) позволяет лучше понять суть социальных процессов в обществе. **Цель:** демонстрация обусловленности терминологического планирования языковыми идеологиями в качестве инструмента преодоления неопределенности способов формирования социального значения. **Методы:** социально-философский и социолингвистический подходы. Применение социально-философского подхода как раз и предполагает демонстрацию связей между важными социальными значениями, языком и социальными группами в качестве субъектов этих социальных значений. Социолингвистический подход позволяет выявить связь языковых выражений и социальных аспектов их означивания в контексте проблемы социального значения. **Результаты:** показаны особенности формирования социального значения языковых выражений преимущественно индексальными семиотическими механизмами, повышающими степень неопределенности этого социального значения. Рассмотрены две основные языковые идеологии как основания для формирования социального значения на примере такого социального субъекта, как государство (национальное государство): национальная языковая идеология (сегрегационизм) и плюралистическая языковая идеология (интеграционизм). Обозначены связь и роль терминологического планирования с названными языковыми идеологиями. **Выводы:** проблема социального значения языковых выражений обусловлена не только содержанием речевого поведения социального субъекта, но и неявными основаниями их деятельности в качестве языковых идеологий. Если в качестве социального субъекта рассматривать государство, то наиболее эффективным и наглядным способом реализации языковых идеологий по формированию необходимых для государства социальных значений средствами языка выступает терминологическое планирование.

Ключевые слова: социальное значение, языковые идеологии, терминологическое планирование, социально-философский подход, социолингвистический подход

Для цитирования: Ардашкин И.Б., Ардашкина А.И. Проблема социального значения, языковые идеологии и терминологическое планирование: социально-философский и социолингвистический подходы // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 4. – С. 169–185. DOI: 10.18799/26584956/2025/4/2075

UDC 330.322.3:005.8:005.412

DOI: 10.18799/26584956/2025/4/2075

Problem of social meaning, language ideologies, and terminological planning: social-philosophical and sociolinguistic approaches

I.B. Ardashkin¹, A.I. Ardashkina²

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

 ibardashkin@tpu.ru

Abstract. Relevance. Growing interest in the study of language as a form of social behavior. Contemporary social reality represents a complex conglomerate of traditional and non-traditional forms of individual and group interaction, where language (linguistic expressions) serves as the most important indicator of the identity of an individual, group, or community, which may be underpinned by various ideological foundations. The study of such foundations and the tools for their implementation (in the context of this article, terminological planning and linguistic ideologies) allows for a better understanding of social processes in society. **Aim.** To demonstrate the determinacy of terminological planning by linguistic ideologies as a tool for overcoming the uncertainty of methods for forming social meaning. **Methods.** Socio-philosophical and sociolinguistic approaches. The application of the socio-philosophical approach presupposes demonstration of relations between important social meanings, language, and social groups as the subjects of these social meanings. The sociolinguistic approach allows for the identification of relations between linguistic expressions and the social aspects of their designation in the context of social meaning. **Results.** The paper demonstrates the features of the formation of the social meaning of linguistic expressions, predominantly through indexical semiotic mechanisms, which increase the degree of uncertainty of this social meaning. The article examines two main linguistic ideologies as the basis for the formation of social meaning, using the example of a social entity such as the state (nation-state): national linguistic ideology (segregationism) and pluralistic linguistic ideology (integrationism). The relationship and role of terminological planning with these linguistic ideologies are outlined. **Conclusions.** The problem of the social meaning of linguistic expressions is determined not only by the content of the social entity verbal behavior but also by the implicit foundations of their activity as linguistic ideologies. If the state is considered as a social entity, then terminological planning is the most effective and illustrative way to implement linguistic ideologies to shape the social meanings necessary for the state through language.

Keywords: social meaning, linguistic ideologies, terminological planning, socio-philosophical approach, sociolinguistic approach

For citation: Ardashkin I.B., Ardashkina A.I. Problem of social meaning, language ideologies, and terminological planning: social-philosophical and sociolinguistic approaches. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 4, pp. 169–185. DOI: 10.18799/26584956/2025/4/2075

Введение

Проблема социального значения языковых выражений – проблема относительно современная в сфере философии, семиотики, лингвистики, социолингвистики и терминологии. Ее активно исследуют с 1970-х гг. и по настоящее время. Следует заметить, что интенсивность изучения данной темы постоянно растет. Тем не менее нельзя сказать однозначно, что в отношении этой проблемы существует набор решений, позволяющий четко представить, как формируется и функционирует социальное значение в языке.

Под проблемой социального значения авторы понимают влияние социальных факторов на значение языковых выражений в процессе коммуникации. Особенность социального значения, в отличие от проблемы общего значения языковых выражений, заключается в том, что последнее рассматривается в процессе непосредственной (живой) коммуникации, а не в рамках теории референции (связь объекта с языковым элементом). Исследования в этой предметной области показали, что влияние социальных факторов на проблему значения языкового выражения существенно и многообразно, но в этом влиянии не существует каких-то стабильных зависимостей и четких референций. Очень много зависит от особенностей социальных ситуаций, чье многообразие и разнообразие чаще всего делает процесс формирования социального значения в языке гибким, неоднозначным, многовекторным, открытым.

В то же время социальное значение выступает имплицитным фактором влияния и власти в обществе, когда ряд социальных групп посредством языковой коммуникации заинтересованы в продуцировании существенных для них социальных значений как важных инструментов управления обществом. Поскольку все обозначенные типы связи значения, языка, общества, их способов взаимодействия носят опосредованный, порой имплицитный характер, то способы применения таких связей в системе коммуникации (социального взаимодействия) тоже являются непрямыми механизмами влияния, как, например, языковые идеологии и/или терминологическая деятельность (терминологическое планирование).

Цель статьи – демонстрация того, что терминологическое планирование может быть обусловлено языковыми идеологиями как инструментами преодоления неопределенности способов формирования социального значения. Для этого авторы рассмотрят понятие социального значения и способы его формирования (их многообразие и гибкость), понятие языковой идеологии и ее связь с социальным значением, а также концептуализируют терминологическое планирование в качестве инструмента социального влияния как элемента языковых идеологий и способ управления социальным значением. В качестве методологии авторы используют социально-философский и социолингвистический подходы.

Проблема социального значения

Формирование проблемы социального значения нельзя рассматривать вне ее связи с проблемой общего значения языкового выражения, а последнюю – вне контекста связи проблемы соотношения языка и реальности.

Опыта и традиций рассмотрения способов взаимодействия языка и реальности в контексте проблемы значения достаточно (логический атомизм, логический референциализм, семантический платонизм, семантический диспозиционализм и т. д.). Другое дело, что у каждого из подходов есть свои преимущества и недостатки. Но отличительной особенностью этих подходов (особенно в рамках аналитической философии) является то, что в них понимается под языком и реальностью. Как правило, язык рассматривается как формальная семиотическая система, представленная в фиксированном письменном формате, а под реальностью чаще всего имеется в виду физическая и/или математическая реальность.

Главной целью попыток теории общего значения, если это многообразие условно редуцировать, является установление стабильной и устойчивой связи между языковым выражением и элементом реальности, которое посредством лингвистической формы на этот элемент указывает и что-то означает. Одна из самых больших трудностей, с которой столкнулись исследователи в этом плане, обусловлена фактом отсутствия стабильности и устойчивости связи языкового выражения и предмета реальности, универсального формата их взаимодействия, которое это выражение представляет, следовательно, с тем, что значение языкового выражения носит динамичный, разнообразный и постоянно меняющийся характер. Последнее, в свою очередь, создает сложности в отношении познавательных возможностей человека и общества. Тем не менее определенные подходы в отношении теории общего значения сфор-

мировались и с некоторыми оговорками они успешно функционируют в отношении лингвистической семантики, например подходы Г. Фреге, Л. Витгенштейна [1, 2] и т. д.

Проблема социального значения стала изначально формироваться в рамках аналитической философии (например, теории речевых актов Г.П. Грайса и Дж. Остина [3, 4].), когда язык стал рассматриваться не только как формальная семиотическая система (письменность, грамматика и т. д.), а как механизм ведения непосредственной коммуникации (устная речь), что существенно меняло понимание того, как может формироваться значение языкового выражения.

Особенно способствовало ускорению исследований в этом направлении появление теории значения как употребления позднего Л. Витгенштейна. В этом подходе известный специалист продемонстрировал различие в том, как может зависеть значение языкового выражения от приемов его употребления и особенностей коммуникации, что, в свою очередь, породило проблему следования правилу при использовании языка, дискуссии по поводу которой ведутся до сих пор, например по поводу скептической трактовки следования правилу С. Крипке [5].

Но поскольку темой статьи является проблема социального значения, то задача авторов заключается в обозначении факторов, которые повлияли на ее становление. Сама же дискуссия в аналитической философии пошла по пути исследований в традиции общей теории значения, констатируя лишь тот аспект, что социальные факторы могут влиять на значение языкового выражения.

Иными словами, признавая роль социальных и коммуникативных особенностей применения языка в отношении его семантики, представители аналитической философии больше интересуются эпистемологическим, онтологическим, метафизическим, логическим аспектами, лишь косвенно – социальным и коммуникативным.

В то же время нельзя сказать, что только в рамках аналитической философии появилась проблема социального значения. В лингвистике также формировался подобный аспект интереса, который на этапе становления этой науки обозначил ее отец-основатель Ф. Соссюр. Одновременно данный ход можно признать и в отношении семиологии (семиотики) как общей науки о знаках, которая выступила для швейцарского лингвиста основанием для формирования новой науки, где знаковые системы им делятся на собственно язык, грамматику (*la langue*) и способы его применения, коммуникативную речевую практику, речь (*la parole*) [6].

Также речь можно вести и о социолингвистике, где проблема социального значения рассматривается как полноценная научная проблема, одна из главных проблем социолингвистики.

Забегим вперед и скажем, что одновременно в сфере терминологии также возникает проблема социального значения, связанная с особенностями применения научной и профессиональной терминологии в разных социальных и культурных контекстах, в процессе международной коммуникации и переводческой деятельности.

В рамках же социолингвистики проблема социального значения актуализировалась по сравнению с проблемой общего значения языкового выражения тем, что устная коммуникация добавляет много дополнительных аспектов, которые повышают степень влияния социальных факторов на процесс означивания (произношение, акцент, тон, поза, жесты и т. д.).

Как уточняет А. Д'Онофрио, когда люди позиционируют себя и других в социальном пространстве, они применяют язык для передачи и понимания социальных значений, обозначенных лингвистическими формами. Исследования, в которых социальное значение занимает центральное место в изучении лингвистических вариаций, показали, что лингвистические особенности используются как компоненты стилей или групп особенностей, а говорящие применяют эти стили для воплощения определенных персонажей или социальных типов. Хотя большинство исследований в этой области сосредоточено на производстве стилей говорящими, семиотические связи между стилями и образами формируются, воспроизводятся и переосмысливаются в пространстве взаимодействия между говорящим, который произво-

дит эти стили, и слушателем, который их интерпретирует. Поэтому при изучении социального значения языкового выражения основное внимание уделяется перспективе слушателя, изучаются когнитивные основы связей между социальным значением и лингвистической вариативностью на различных уровнях осознания [7].

На примере приведенной ссылки следует отметить, что исследователями социального значения обозначается обусловленность когнитивного (эпистемологического) аспекта языкового выражения особенностями его коммуникативного и социального аспектов, их взаимозависимость. Именно этот момент является наиболее существенным для проблемы социального значения в языке.

В социолингвистике сформировалось несколько направлений по изучению социального значения. Наиболее успешными оказались социолингвистический вариационизм (основоположник – У. Лабов) и этнография коммуникации (этнография речи) (основоположник – Д. Хаймс). В первом направлении его представители связывали языковые вариации в коммуникации людей с их социальными характеристиками (социальный статус, гендер, этнос, возраст и т. д.). Во втором направлении акцент делался на наблюдении за процессом устной коммуникации в ее непосредственном осуществлении, на особенности того, как стиль, форма и содержание речи каждого говорящего связана с его социальными параметрами.

Поскольку число участников этих двух направлений достаточное, а этнографическая методология, ими применяемая, требует непосредственного наблюдения за устной коммуникацией, то обращение к подробностям их исследований и рефлексии относительно последних представляется излишним.

Можно сослаться на подход американского социолингвиста П. Эккерт, в рамках которого она лаконично обозначила основные результаты проведенных изысканий в отношении социального значения языкового выражения. П. Эккерт выделила три волны (этапа) изучения данного вопроса начиная с 1970-х гг. Под волной (этапом) она видит определенную парадигму в отношении социального значения, в которой представлено понимание того, что является социальным аспектом, и то, как это может влиять на способ применения языка. Иными словами, то, что составляет социальное значение лингвистического элемента в контексте социолингвистических подходов.

Первую волну П. Эккерт характеризует как поиск исследователями стабильных и устойчивых связей социального статуса человека и способов его устной коммуникации. Социальный статус при этом понимался как набор макросоциологических характеристик (социально-экономический класс, гендер, этнос, возраст, образование и т. д.). Полагалось, что такая устойчивая связь между обозначенными параметрами социального статуса и речью человека имеется. Но, как показала практика исследований, если подобные связи есть, они не обладают стабильностью, к тому же не всегда такие зависимости можно выявить.

Вторую волну изысканий П. Эккерт обозначает как поиск стабильных и устойчивых связей менее масштабных социальных характеристик, чем социально-экономический класс, гендер и т. д., и особенностей применения языка его носителями. В качестве таких социальных характеристик использовались локальные, региональные, профессиональные особенности людей, с которыми соединяли особенности их речевого поведения, например диалекты, социолекты, урбанолекты, профессионалекты и т. д. Полагалась, что дифференциация связей менее масштабных социальных характеристик и речевого поведения будет иметь больше шансов на выявление специфики социального значения в коммуникации. Следует заметить, что в рамках второго этапа выявление таких устойчивых связей также носило очень условный характер в отношении проблемы социального значения языкового выражения, как и в период первого этапа.

Третья волна, исследования в рамках которых начались в 2000-е гг. и продолжаются до сих, по мнению П. Эккерта, продемонстрировала, что наличие связей между социальными ха-

ра характеристиками человека и его языковым (речевым) поведением существует. Другое дело, что любой социальный контекст имеет такое количество переменных, которые делает эти связи очень условными. Это не значит, что социальный статус человека не влияет на него, на его поведение и речь, это значит, что и сама речь, языковая коммуникация выступают в качестве социального канала, где его социальный статус пребывает в состоянии становления, поэтому любую социальную характеристику человека всегда можно проинтерпретировать двойственным, тройственным образом и т. д. Сам человек может пребывать в неопределенном социальном статусе не только для слушателя, но и для себя.

Основным шагом в рамках третьей волны стал переход от представления о вариации как отражении социальных идентичностей и категорий к лингвистической практике, в которой говорящие позиционируют себя в социальном ландшафте посредством стилистической практики. В то время как первые две волны рассматривали значение вариативности как побочный эффект социального пространства, третья волна рассматривает ее как существенную особенность языка. Вариативность составляет социальную семиотическую систему, способную выражать весь спектр социальных интересов сообщества. А поскольку эти проблемы постоянно меняются, переменные не могут быть маркерами социального консенсуса в отношении фиксированных социальных значений; напротив, их центральным свойством должна быть индексальная изменчивость. Эта изменчивость достигается в стилистической практике, когда говорящие совершают социально-семиотические действия, переосмысливая переменные и комбинируя и рекомбинируя их в непрерывном процессе коммуникации [8].

В каком-то смысле социальное значение во многом обретает черты «текучести» (liquid), «неуловимости», «неочевидности» социальной реальности, которые больше являются следствием того, что современное общество, рассматриваемое согласно разным его концепциям как постиндустриальное, цифровое, информационное, сетевое, потребительское и т. д., представляет сложную конструкцию, сочетающую в себе одновременно традиционные социальные характеристики человека и нетрадиционные его измерения. Поэтому, казалось бы, один тип социальности (например, индустриальный) пересекается с другим (например, сетевым), что приводит к возможной демонстрации разных статусных форматов социального субъекта (респектабельность буржуа и того, что он, к примеру, блогер), которые могут не особенно сочетаться между собой, но при этом быть реальным фактом и иметь проявления в устной коммуникации его носителя.

Языковые выражения (язык) понимаются исследователями третьей волны как форма социального поведения, конструируемого социальным субъектом, где стиль его коммуникации не столько отражает его социальные характеристики, сколько конструирует.

Не случайно исследователи третьей волны в отношении социального значения применяют семиотическую систему Ч. Пирса, которая позволяет шире и гибче использовать семиотические механизмы в устной коммуникации, чем, допустим, семиотическая система Ф. Соссюра.

Ч. Пирс применяет трехмерную семиотическую модель (знак–объект–интерпретант) в отличие от двухмерной семиотической модели Ф. Соссюра (означающее–означаемое), которая повышает роль участия социального субъекта в этом процессе, фактически перевоплощает последнего из пассивного начала в активного посредством увеличения типов связей между объектом и знаком.

По модели Ч. Пирса социальный субъект может использовать три типа связи знака и объекта: иконический, индексальный, символический. Иконический знак является наиболее очевидным способом связи между знаком и объектом для интерпретанта, наглядно и напрямую демонстрируя это соотношение (например, фото человека как прямое обозначение человека максимально схожим образом, где фотография – это знак, а сам человек – объект). Индексальный знак выступает более сложным способом обозначения такой связи, демонстрируя ее косвенными и менее очевидными способами (например, дым может быть знаком, выражаю-

щим такое явление как костер). Символический знак представляется наиболее сложным способом обозначения связи знака и объекта интерпретантом, формируя ее максимально удобно для самого социального субъекта в плане ничем неограниченного формата установления такого отношения (например, роза может быть знаком обозначения такого феномена, как красота, но выбор символического знака – это приоритет социального субъекта и этот выбор зависит только от него).

Исследователи третьей волны говорят о том, что при формировании социального значения социальный субъект чаще использует индексальные семиотические связи, которые позволяют, с одной стороны, проявлять большую свободу в способах коммуникации, а с другой – быть ближе к той социальной реальности, в которой этот социальный субъект живет, чем символические семиотические связи. Как отмечает П. Эккерт, центральным элементом индексальности является ее ассоциативность. Индексальный знак вызывает ассоциации с чем-то в физическом или социальном мире, и это «что-то» может вызывать ассоциации с другими вещами в мире с гибкостью, ограниченной только общей основой. Например, южный акцент указывает на то, что говорящий родом с юга, и интерпретатор может продолжить и сделать вывод о качествах, стереотипно ассоциируемых с южанами. Так, как показывает П. Эккерт, в эксперименте с такими предрассудками студенты колледжей в Калифорнии и Северной Каролине, которые оценивали говорящего как южанина, одновременно ассоциировали его и как сельского и необразованного, а также связывали данный стереотип с типичными чертами образа «реднека». В той мере, в какой определенная ассоциация широко распространена среди населения, можно сказать, что южный акцент вошел в новый порядок индексальности. Другими словами, индексальность первого порядка, связанная с происхождением из южных штатов, уступила место или конкурирует с распространенными ассоциациями с «реднеками». Множественные ассоциации могут накапливаться, образуя индексальное поле (или массив идеологически связанных значений) [9].

Индексальные знаки, таким образом, с одной стороны, демонстрируют в языковых выражениях некоторое сходство с аспектами социальной реальности коммуникантов, но, с другой стороны, обозначают нечто дополнительное, что фактически отсутствует в их социальной реальности, но ими конструируется. Поэтому язык (языковые выражения) в контексте проблемы социального значения может рассматриваться не как некоторая самостоятельная онтологическая сущность (лингвистический реализм), а как онтологическая конструкция, которая не является реальным объектом, а социальным конструктом, в котором представлены определенные культурные и исторические проявления общества.

Это означает, что язык в процессе своего использования выступает проекцией культурно-исторических характеристик социальной реальности, которые проявляются как идеологии, порожденные его метадискурсивными основаниями. Как уточняет Е.А. Найман, в рамках конструктивистской парадигмы языка «важнейшим становится метадискурсивный подход... Его суть состоит в следующем: несмотря на то, что все представители человеческого рода имеют язык, его способы осмысления создаются с помощью идеологических линз, зависящих от особых метадискурсивных режимов, выраженных в особых культурных и исторических контекстах» [10, с. 54].

Поэтому необходимо выяснить и понять, что социальное значение языкового выражения – это не только явная форма демонстрации участниками устной коммуникации своего социального статуса, но и неявно присутствующая в языке идеологическая форма воздействия доминирующих социальных практик. И без анализа того, что такое языковая идеология (языковые идеологии), невозможно понимать процесс формирования социального значения в языке.

Языковые (лингвистические) идеологии и проблема социального значения

Как уже авторы говорили выше, язык – это не только лингвистическая форма коммуникативного взаимодействия, но и форма социального поведения человека в социальном мире. Любые социальные поступки и социальные практики могут иметь невидимые механизмы управления ими, когда человек невольно следует определенной модели поведения, не до конца осознавая это. Одним из таких механизмов влияния могут выступать языковые идеологии (во множественном числе, поскольку социальным субъектом подобного воздействия на поведение и коммуникацию людей могут выступать одновременно отдельные люди, группы, социальные институты, государство и т. д.).

Считается, что тема языковых идеологий впервые была актуализирована в социолингвистике М. Сильверштейном в его работе 1979 г. «Структура языка и языковая идеология», в которой американский исследователь отметил, что языковые идеологии долго игнорировались лингвистами, антропологами и другими специалистами, хотя это может быть перспективным направлением для научного изучения [11].

Как отмечает П. Кроскрити, хотя подобные теоретические ориентации признавали грамматическую «интуицию» говорящих, их языковые идеологии не рассматривались как часть языка или как свидетельство человеческого участия в языковых изменениях. Вместо того чтобы рассматривать говорящих как частично сознающих или потенциально действующих, они – в моделях Н. Хомского, например, – были лишь носителями языка. С учетом этой маргинализации и игнорирования как в антропологических, так и в лингвистических исследованиях языковых идеологий статья М. Сильверштейна стала радикальным переворотом в традиционном лингвистическом теоретизировании, который спас лингвистическое сознание от продолжающегося научного пренебрежения [12].

Ключевой идеей М. Сильверштейна было включение в лингвистические и антропологические исследования самих носителей языка со всей полнотой их социальной онтологии, которая не могла быть сведена к теориям референции и денотации, когда роль языка (слов) сводится к обозначению вещей и явлений. Очень многое зависит от людей (интерпретаторов) и тех индексальных связей, которые они видят между лингвистическими знаками и контекстуальными обстоятельствами их применения.

Тема языковых идеологий с момента актуализации ее значения для социума стала интенсивно развиваться в различных направлениях. Задача и рамки статьи не предполагают погружения в подробное освещение этих исследований. Авторам важно показать влияние языковых идеологий на социальное значение, а для решения данной задачи достаточно обратиться к тем характеристикам языковых идеологий, которые о такой связи свидетельствуют.

В частности, один из известных социолингвистов П. Кроскрити обобщил ряд исследований, выявив основные факторы языковых идеологий в контексте того, как они могут влиять на социальное значение посредством разных механизмов. Он выделил пять ключевых факторов языковых идеологий, оказывавших наиболее значимое влияние на развитие понимания проблем функционирования языка и социального значения [13]. Чтобы понять, что эти факторы не плод его субъективных предпочтений, можно частично их наличие подтверждать результатами исследований других авторов.

Первым фактором, по П. Кроскрити, является то, что языковые идеологии представляют собой восприятие языка и дискурса, сформированного в интересах каких-то индивидов или групп. Индивиды или группы в силу своих жизненных обстоятельств создают представления и установки о том, что считается социально правильным, этически приемлемым, экономически выгодным в языке и дискурсе, используя подобные установки в процессе применения языка.

Например, в своей книге «Английский с акцентом...» Р. Липпи-Грин обращает внимание на идеологию стандартного языка, которой чаще всего следуют представители доминирующих социальных групп, где «акцент» рассматривается как дискриминационный языковой

фактор, делающий людей-носителей такого произношения людьми низшего социального статуса по отношению к тем, у кого такого акцента нет [14].

Вторым фактором является то, языковые идеологии множественны в силу большого количества носителей, вызванных множественностью процессов социальной дифференциации как в масштабах любого общества, так и в рамках этих самих групп. В пределах одной группы может использоваться как одна языковая идеология, так и несколько. Идеологический подтекст всегда возникает там, где индивид или группа начинают претендовать на определенную степень самостоятельности и субъектности.

Третьим фактором является то, что члены сообщества могут быть осведомлены о наличии разных местных языковых идеологий. Данная осведомленность играет важную роль для выбора или отказа от той или иной языковой идеологии. Поэтому одни местные идеологии могут пользоваться большей степенью поддержки и применения, а другие – вообще лишиться поддержки. Во многом судьба языковой идеологии зависит от осведомленности людей и групп о ней, поэтому данный фактор, по мнению П. Кроскрити, важен для оценки роли языковых идеологий.

Четвертым фактором является то, что языковые идеологии выполняют посреднические функции между социальными структурами и формами устной коммуникации (речи). Эти функции подробно исследовали Д. Ирвайн, С. Гал в своей работе «Языковая идеология и лингвистическая дифференциация», где они отметили три особенно полезных аналитических инструмента для выявления продуктивных моделей в идеологическом понимании языка и языковой изменчивости в зависимости от населения, места и времени. Эти три инструмента: иконизация, фрактальная рекурсивность и стирание дифференциаций.

Под иконизацией исследователи понимают особенность представления языков и их аспектов как наглядных указателей на природу социальных групп. В частности, Д. Ирвайн, С. Гал демонстрируют ее в качестве полезного инструмента для понимания, например, того, как западноевропейские лингвисты ошибочно интерпретировали южноафриканские койсанские щелчки в качестве деградированных звуков животных, а не как фонологических единиц, а также рассматривали языковое и этническое разнообразие Балкан как патологический социолингвистический хаос.

Фрактальная рекурсивность – это проекция какой-то семантической оппозиции с одного уровня отношений на другой. В частности, если использовать уже приведенный выше пример со щелчками. Рассматривая щелчки как звуки, производимые чужими и подчинёнными, носители языка нгуни могут «рекурсивно» включать такие иконические связи для использования их в качестве лингвистического маркера регистра языка нгуни, или уровня речи, предназначенного для выражения уважения и почтения в различных культурно предписанных ситуациях.

Стирание дифференциации – это избирательное игнорирование часто неуправляемых форм вариативности, которые не соответствуют моделям носителей языка и/или лингвистов. Так, стирание позволяет измерить разницу между комплексными аналитическими моделями, которые пытаются понять широкий спектр языковой дифференциации и вариативности, и более доминирующей или даже гегемонической моделью, в которой аналитические различия замалчиваются в пользу рассмотрения более избирательных, но локально признанных взглядов.

Все три процесса предоставляют полезные средства для описания и сравнения продуктивных особенностей языковых идеологий, используемых разными социальными субъектами (национальными государствами, социальными группами внутри них и даже отдельными лицами внутри этих групп и т. д.) [15].

Пятым фактором является то, что языковые идеологии играют существенную роль в индивидуальной и социальной идентичности. Эта идентичность может быть любой, их даже может быть несколько у одного социального субъекта. Но ее проявления в речи человека

имплицитно будут опосредованы идеологическими основаниями. Более того, под влиянием идеологии человек или группа может поменять свои языковые навыки и предпочтения, начав обнаруживать в них какие-то недостатки.

Выделенные П. Кроскрити факторы языковой идеологии четко демонстрируют потенциал этого феномена для его использования в контексте влияния и управления социальным поведением, а значит, формирования тех социальных значений, которые являются приоритетными для социальных субъектов.

В то же время надо заметить, что на протяжении последних столетий наиболее значимым социальным субъектом выступало национальное государство, для которого этническое многообразие рассматривалось как нечто проблемное и требующее преодоления. Поэтому связь языковой идеологии и социального значения можно разобрать на примере данного социального субъекта.

Языковая идеология любого национального государства строилась по принципу стремления к достижению «одноязычия» как символа национальной солидарности (в качестве главного социального значения). Поэтому языковая политика и языковое планирование, реализующие подобную языковую идеологию, строились на принципе унификации языков граждан такого национального государства, а для формирования основного национального языка использовалась процедура стандартизации последнего. Такой национальной языковой идеологии противостояла другая языковая идеология, чьим основным социальным значением являлась равноправие всех этнических языков независимо от количества их носителей.

Надо признать, что трактовка языка в этих двух языковых идеологиях различна. В первой трактовке (национальная языковая идеология) язык понимается примерно так, как авторы писали об этом в начале статьи по поводу общей теории значения, в качестве некоторой автономной и самодостаточной сущности. Во второй трактовке (плюралистичная языковая идеология) язык понимается примерно так, как авторы его рассматривали в отношении проблемы социального значения, в качестве устной коммуникации и речи.

Наличие таких подходов в отношении обозначенного социального субъекта и порождает представление о противоборстве языковых идеологий. Как отмечает Е.А. Найман, «языковые идеологии удобнее всего рассматривать в контексте двух конфликтующих парадигм: сегрегационизма (П. Мюльхёслер) и интеграционизма (Р. Хэррис). Сегрегационизм настаивает на внутренней систематичности языков, их независимости от речевой деятельности. В его русле обсуждаются в настоящее время все наиболее значимые проблемы многоязычия, двуязычного образования, кодовых переключений, языковых прав и т. д. Для интеграционизма же наиболее важна повседневная языковая коммуникация» [10, с. 54].

В рамках статьи первая языковая идеология (национальная языковая идеология, идеология сегрегационизма) имеет ограниченное применение, поскольку она обесценивает роль человека в плане формирования им его же социального значения, полагая, что последний в каком-то смысле сам продукт языковой идеологии и политики посредством функционирующих систем образования, наук и технологий. Второй тип идеологии более востребован для темы социального значения, поскольку в ее трактовке социальным субъектом выступает не только национальное государство, но и любая группа и даже отдельный человек.

В то же время противостояние языковых идеологий на основании такого критерия социального субъекта как национальное государство сегодня усложняется, так как по причине развития информационных технологий и интернета мир живет в рамках процесса глобализации, что, с одной стороны, формирует некоторое наднациональное социальное пространство, а с другой – заставляет национальные государства противостоять глобализации в тех сферах и функциях, где последние видят для себя угрозу.

В языковом плане подобная ситуация приводит, с одной стороны, к повышению статуса одного языка – английского – по отношению к остальным языкам, а с другой – к актуализа-

ции национальных языков как инструментов противодействия распространению английского языка и культуры тех стран, в которых он является преобладающим. Но в контексте проблемы социального значения и связанных с ней множеством языковых идеологий чаще всего наблюдается парадокс, когда национальная государственная языковая идеология пытается противодействовать в качестве одного из ее продвигающих социальных субъектов распространению английского языка, а граждане этого государства в качестве других социальных субъектов не отказываются от изучения и использования английского языка, несмотря на то, что это может грозить их национальной идентичности. Как отмечает Р. Рубди, существует противоречие между английским языком, с одной стороны, рассматриваемым как нейтральный, прагматичный язык, необходимый для национального развития, и, с другой стороны, как язык, связанный с нежелательными формами западной культуры, ценностями и знаниями, которые угрожают местной культурной идентичности. Этот парадокс приводит к «противоречивым дискурсам», указывающим на то, что местное население по-прежнему желает изучать английский язык, тем самым увековечивая его гегемонию, как показывает постколониальный статус английского языка, особенно в таких странах, как Сингапур и Малайзия, или в городских районах Южной Африки, где он процветает даже в период интенсивного национализма [16].

Даже в самих англоязычных странах (таких как США и Великобритания), как утверждает Р. Рубди, действуют две доминирующие национальные языковые идеологии, направленных на подкрепление доминирования того варианта английского языка, который является основным (английский американский и английский британский): идеология англоязычного монолингвизма и идеология стандартного языка. Первая идеология формулирует политические вопросы в парадигме иммиграции, представляя языковое разнообразие как чужеродную и разъединяющую силу, что можно проследить в риторике движения English Only в США.

Вторая идеология позиционирует носителей различных разновидностей одного и того же языка в рамках социальной иерархии, причем школы выступают в качестве основных инструментов этой стратификации, главных поставщиков стандартов. Эти лингвистические идеологии, в свою очередь, подкрепляются другими идеологическими предположениями, которые связывают язык с национальным единством и социальной мобильностью [1].

И учитывая последние события, происходящие в современном мире, эти языковые идеологии успешно функционируют в интересах своего социального субъекта. Например, в США в 2025 г. Д. Трамп подписал указ № 14224, согласно которому английскому языку присвоен статус государственного языка на федеральном уровне. Социальное значение этого законопроекта заключается в том, что теперь основным социальным субъектом языковой политики и идеологии в США становится государство в лице президента и федерального правительства, хотя до этого указа такие полномочия были у каждого штата. Поэтому можно смело утверждать, что данный указ принят в русле идеологий англоязычного монолингвизма и стандартного языка.

Таким образом, на примере такого социального субъекта как национальное государство авторы статьи продемонстрировали роль языковых идеологий в вопросах формирования социального значения. Но эта демонстрация была бы неполной, поскольку у нее есть еще один важный инструмент – терминологическая политика и терминологическое планирование.

Терминологическое планирование как способ формирования социального значения в процессе реализации языковых идеологий

Как выше было сказано, языковые идеологии национального государства (любого государства в принципе) применяются посредством таких инструментов, как языковая политика и языковое планирование. Рассмотрение обозначенных феноменов (языковые идеологии, языковая политика, языковое планирование) на примере государства как социального субъекта

екта представляется авторам наиболее оптимальным, поскольку этот вариант социального субъекта наиболее очевиден и понятен в качестве предмета исследования. Социальные субъекты меньшего масштаба и уровня (организации, группы и индивиды) сложнее для изучения, поскольку в отношении себя они не могут проводить языковую политику и языковое планирование. Конечно, различные организации и институты в качестве социальных субъектов могут реализовывать свою языковую политику и языковое планирование, но во многом они будут определяться государством. В силу данного факта удобнее для демонстрации связи этих процессов между собой рассматривать их на примере государства.

Терминологическое планирование – это деятельность по реализации языковой политики и языкового планирования по установлению необходимых государству социальных значений в рамках тех языковых идеологий, которых государство придерживается. А как было обозначено выше, речь идет о двух языковых идеологиях: национальная языковая идеология (сегрегационизм) либо плюралистическая языковая идеология (интеграционизм).

Два типа языковых идеологий порождают два типа языковой политики, в которых ставятся несколько разные приоритеты. Национальная языковая политика строится на тезисе о наличии одного национального (официального, государственного) языка, в рамках которой не обязательно осуществляются какие-то репрессивные действия по отношению к другим языкам в государственных границах социального, культурного, правового и иного пространства, но обязательно продвигается и поддерживается основной язык нации (нации не в этническом, а гражданском понимании (*nationality* – гражданство)). Например Китай, Япония, Франция. Плюралистическая языковая политика строится на тезисе о равноправии всех языков в рамках социального, культурного, правового и иного пространства государства, не ограничивая ни один из используемых языков ничем, кроме желания самих носителей их применять. Например, США (до указа Д. Трампа № 14224), ЮАР, Канада.

В каком-то плане в этих типах языковой политики реализуются две важнейшие потребности (два типа социального значения) социального субъекта (человека, группы, общества): потребность в идентичности и потребность во взаимопонимании. Первое социальное значение в качестве потребности в идентичности ведет к необходимости выделения себя из окружающего мира, отделения от всего остального (сегрегационизм). Второе социальное значение в качестве потребности во взаимопонимании ведет к необходимости установления коммуникации между индивидами, группами и т. д. для нахождения общего языка, что предполагает его поиск разными инструментами (языковой сдвиг, единый универсальный язык, машинный перевод, двуязычие). Поэтому под языковой политикой авторы понимают совокупность мер государства по формированию искомой и необходимой для него языковой ситуации, выражающей наличие соответствующих социальных значений применения языка (языков). Языковое планирование – это перечень действий по осуществлению языковой политики. Терминологическое планирование – это инструмент языкового планирования, закрепляющий искомые социальные значения в языковой политике и языковой идеологии в сфере терминологии.

В зависимости от типа языковой идеологии и языковой политики государства будут осуществляться терминологическая политика и терминологическое планирование. Терминологическая политика – это направление и инструмент реализации языковой политики и языкового планирования в рамках языковой идеологии государства в области терминологии разных научных, профессиональных и технологических отраслей (если редуцировать, то в области знаний, поскольку любая профессиональная сфера знаний задается через терминологию). А терминологическое планирование – это инструмент реализации терминологической политики в области профессиональных знаний с целью повышения качества коммуникации в самих профессиональных сообществах между их членами и обществом. Иными словами, поскольку сфера терминологии функционирует через референцию знаний профессионального

плана, то такой способ является инструментом формирования, хранения, трансляции социальных значений и тех идеологических аспектов языковых выражений, которые они (знания) несут.

Важно заметить, что выбор терминологической линии демонстрации воздействия языковой идеологии на процесс формирования и функционирования социального значения не случаен, поскольку именно аспект терминологии лучше всего позволяет продвигать или снижать степень применения того или иного языка. Как отмечает С. Гринев-Гриневич, существует два типа подхода к языку – либо развитие языка, либо препятствование его развитию (первое не исключает второе в случае ситуации многоязычия).

В случае развития языка создаются благоприятные условия для его использования (например, повысить качество его использования за счет совершенствования правил и способов лингвистической обработки, что предполагает повышение его престижа, расширение словарного запаса, упрощение орфографии и грамматики, введение льгот за его употребление (преференции в общении, доступность литературы, расширение сферы его применения, запуск рекламных кампаний, государственные меры, такие как стандартизация выбранного языка и т. д.)). В некоторых случаях культивирование языка может принимать форму возрождения языка, даже его навязывания.

Сдерживание (препятствование, угнетение) языка также может принимать различные формы, начиная с замедления развития языка официальными и неофициальными средствами, прямого блокирования языка (препятствования его развитию) даже в форме истребления языка [17].

Поэтому по направленности и содержанию терминологической работы несложно выявить суть языковой идеологии и искомые социальные значения.

Другое дело, что не всегда терминологическая политика и терминологическое планирование реализуются наглядным способом. Например, согласно ст. 68 п. 3 Конституции РФ Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и улучшения. Но по факту выполняется это требование по-разному. Конечно, объективно сложно одинаково равномерно совершенствовать все языки в стране, это зависит во многом от престижности этого языка, количества его носителей, уровня их социально-экономического развития. Но в контексте языковой идеологии плюрализма (интеграционизма) ничто не мешает говорить о равном статусе всех языков, хотя фактически это недостижимо.

Есть примеры также того, как совершенствование терминологии в рамках национальной языковой идеологии может приводить больше к сложностям, чем к позитивным результатам. Это свойственно чаще тем национальным государствам, которые только обрели свой суверенитет и усиленными темпами развивают свою национальную идентичность, в том числе языковыми и терминологическими способами. Как приводит пример С. Гринев-Гриневич, в таджикском языке такие слова, как «студент», «университет» и «институт», которые имели международный характер и широко использовались, были заменены неуклюжими национальными конструкциями, что создавало и до сих пор создает много неудобств. Он приводит пример коллеги, который знаком с автором таджикского медицинского словаря, содержащего 300 тысяч терминов, и который рассказывал, что единственным человеком, использующим эти термины, является сам автор, потому что студенты-медики должны изучать латинскую, русскую и английскую терминологию и не имеют времени изучать термины, не используемые на практике [17]. Данный случай выступает примером негативных последствий использования национальной языковой идеологии и языковой политики в сфере терминологии.

Поэтому важно заметить, что, являясь наиболее управляемым механизмом осуществления языковой идеологии в вопросе формирования социального значения, терминология одновременно выступает наиболее наглядной сферой, которая демонстрирует не только позитивные,

но и негативные аспекты языковых трансформаций. Такой характер последней предполагает необходимость взвешенного подхода в отношении терминологических изменений.

Во-первых, терминологией занимаются представители профессиональных областей, что предполагает более высокий уровень образования и понимания ими той предметной сферы, в которой они специализируются, чем у всего остального населения. У этих людей вполне хватает оснований не пользоваться теми терминологическими новшествами или запретами, которые могут устанавливаться в зависимости от обозначенных типов языковых идеологий и политик, тем более если эти трансформации несут негативные последствия для профессиональной деятельности.

Во-вторых, в силу сказанного выше позитивность или негативность терминологических трансформаций зависит от профессионального консенсуса в сообществе по отношению к предложенным вариантам терминологии. А это повышает качество механизмов управляемости терминологической составляющей языковой политики и языковой идеологии, поскольку от готовности профессиональных сообществ к языковым и терминологическим изменениям будет зависеть их успешность. Если профессиональные сообщества будут готовы, то возрастает шанс на повышение качества терминологии на национальном языке, если нет, то они понижаются.

В-третьих, важно, что развитие терминологии национального языка может влиять не только не только на улучшение его самого, но и совершенствовать национальные науки и технологии, что, в свою очередь, будет способствовать национальному социально-экономическому росту. Если исходить из позиции государства в качестве социального субъекта, то в его интересах применение такого социального значения, как повышение качества социальной жизни людей с помощью научно-технологических инструментов, которые сложно представить без терминологической составляющей.

Как уточняет С. Гриневич, профессиональная терминология представляет собой более 90 процентов новых слов в современных языках. Рост научной и технической лексики происходит гораздо быстрее, чем рост лексики повседневной речи, поэтому в настоящее время количество терминов в некоторых науках (например, в химии или биологии) превышает количество общих слов. Можно сравнить следующие цифры: полная, несокращенная версия словаря Вебстера включает около 700000 английских слов; самый большой русский 17-томный словарь содержит около 120000 слов (хотя уже существуют словари, имеющие около 200 000 слов); в то же время только русская строительная терминология насчитывает более 150 000 слов, современная биологическая терминология превышает миллион названий видов живых существ, в химии известно более 1,5 миллиона веществ [18].

Поскольку терминологическая политика и терминологическое планирование являются достаточно эффективными инструментами формирования языковой идеологии и языковой политики в вопросах формирования социального значения, то их организация может строиться посредством реализации двух направлений обозначенных языковых идеологий и языковых политик: национальной языковой идеологии и языковой политики (сегрегационизм), а также плюралистической языковой идеологии и языковой политики.

В первом случае терминологическая политика и терминологическое планирование будут направлены на развитие терминологии национального языка со всеми плюсами и минусами этого процесса. Выше приведены примеры таких позитивных и негативных последствий.

Во втором случае терминологическая политика и терминологическое планирование будут направлены на совершенствование терминологии всех языков, используемых в государстве, что будет однозначно приводить к проблеме неравноправного развития языков в отношении их терминологической составляющей.

Поэтому даже при осуществлении терминологической политики и терминологического планирования второго типа сохранит свою актуальность проблема коммуникации и взаимо-

понимания между носителями разных языков, которую в рамках соответствующей языковой идеологии придется решать. И решение вопросов взаимопонимания невозможно без терминологического сопровождения.

Поиск ответов по вопросам взаимопонимания между носителями разных языков в рамках одного социального субъекта в области терминологии, как полагает С. Гриневич, будет иметь следующий диапазон: создание терминологии на базе единого искусственного языка как средства общения; развитие систем «машинного перевода» для терминологии разных языков; выбор одного из существующих языков в качестве инструмента коммуникации [18]. Такие же, кстати, варианты решений предлагают и для решения проблем интернационального взаимодействия между государствами как социальными субъектами.

Как видно, что и при рассмотрении проблемы социального значения, языковых идеологий и терминологического планирования в качестве формирования и трансляции этих социальных значений на примере такого социального субъекта, как государство (национальное государство), возникает как минимум несколько вариантов применения этих инструментов для использования социальных значений на практике. Поэтому можно предположить, насколько усложнится модель реализации терминологического планирования и языковых идеологий для конструирования социальных значений, если в качестве социального субъекта рассматривать индивидов, группы, социальные организации и социальные институты. Но такой ракурс изучения обозначенной темы потребует множество других отдельных исследований.

В рамках данной статьи авторы ставили цель продемонстрировать то, что терминологическое планирование может быть обусловлено языковыми идеологиями как инструментами преодоления неопределенности способов формирования социального значения, что и было сделано на примере такого социального субъекта, как государство (национальное государство).

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что проблема социального значения в современных исследованиях является актуальной. В отношении как самого социального значения, так и способов его формирования авторы отмечают нестабильность, гибкость, динамичность функционирования последнего, которые во многом обусловлены многообразием и расплывчатостью социальности современного общества. Помимо традиционных статусных характеристик социальности человека (социально-экономический класс, образование, гендер, возраст и т. д.), сегодня существуют другие, не настолько четко фиксируемые, как предыдущие, новые характеристики (аккаунт в сети, цифровой статус, цифровая грамотность, персонализация услуг и товаров и т. д.). Меняется скорость социального взаимодействия, которая также сказывается на характере социального значения, формируемого в условиях цифровой и устной коммуникации. Все это, а также многое другое влияет на рост степени неопределенности социального значения.

В таких обстоятельствах одним из эффективных способов понижения неопределенности социального значения в процессе коммуникации выступают языковые идеологии, которые фокусируются вокруг некоторых важных социальных значений. Особенно устойчивая роль языковых идеологий наглядно просматривается на примере такого социального субъекта, как государство (национальное государство). По большому счету можно выделить два значимых социальных значения государства в качестве субъекта, представленных в языковых идеологиях, – это монолингвизм (сегрегационизм) и полилингвизм (интеграционизм).

В рамках монолингвизма как искомого социального значения языковая идеология посредством языковой политики и планирования формирует представление о доминировании одного (главного) национального языка как идеальной языковой ситуации в государстве.

В рамках полилингвизма как искомого социального значения языковая идеология посредством языковой политики и планирования конструирует представление о множестве используемых языков и равенстве их правового статуса в границах государства как идеальной языковой ситуации.

Одним из важнейших инструментов реализации обозначенных языковых идеологий для формирования необходимо социального значения является терминологическая политика и терминологическое планирование, в рамках которых происходит повышение качества используемого языка (языков), либо понижение качества остальных языков по отношению к главному за счет его игнорирования, падения престижности или прямого запрета. Характер терминологического планирования позволяет лучше всего понять, какой вариант социального значения и тип языковой идеологии реализуется в государстве.

Но если рассматривать эту тему на примере других социальных субъектов, то выявлять транслируемое ими социальное значение и тип языковой идеологии будет существенно сложнее. Это обусловлено многообразием социальных ситуаций и персонализацией их восприятия социальными субъектами, что не позволяет так строго классифицировать вариант социального значения и тип языковой идеологии в их отношении по сравнению с таким социальным субъектом, как государство. В то же время сказанное не значит, что такие исследования не нужны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 28–54.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: АСТ, 2019. – 384 с.
3. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and semantics. Vol. 3 / Eds. P. Cole, J.L. Morgan. – N.Y.: Academic Press, 1975. – P. 41–58.
4. Остин Дж. Избранное. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
5. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. – 152 с.
6. Saussure F. De Cours de Linguistique Générale / Publié par Ch. Bally, A. Séchehaye; avec la collaboration de A. Riedlinger; ed. critique préparée par T. de Mauro; postf. de L.-J. Calvet. – Paris: Payot, 1995. – 520 p.
7. D’Onofrio A. Social meaning in linguistic perception. Dr. Diss. – Stanford, 2016. URL: <https://purl.stanford.edu/ws744vx9554> (дата обращения 14.07.2025).
8. Eckert P. Three waves of variation study: the emergence of meaning in the study of sociolinguistic variation // Annual Review of Anthropology. – 2012. – Vol. 41. – № 1. – P. 87–100. DOI: 10.1146/annurev-anthro-092611-145828.
9. Eckert P. The limits of meaning: Social indexicality, variation, and the cline of interiority // Language. – 2019. – Vol. 95. – Iss. 4. – P. 751–776. DOI: 10.1353/lan.2019.0072.
10. Найман Е.А. Критический анализ западноевропейской языковой идеологии (пролегомены к новой социальной онтологии языка) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 51. – С. 53–69. DOI: 10.17223/1998863X/51/6. EDN: MEZSTR.
11. Silverstein M. Language structure and linguistic ideology // The Elements / Eds. P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer. – Chicago: Chicago Linguistics Society, 1979. – P. 193–248.
12. Kroskrity P. Language ideologies – evolving perspectives // Society and Language Use / Eds. J. Jaspers, J.-O. Östman, J. Verschueren. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2010. – P. 192–211. DOI: <https://doi.org/10.1075/hoph.7.13kro>.
13. Kroskrity P. Language ideology // Companion to linguistic anthropology / Ed. A. Duranti. – Oxford: Blackwell, 2000. – P. 496–517.
14. Lippi-Green R. English with an accent language, ideology, and discrimination in the United States. 2nd ed. – Routledge: Taylor & Francis Group, 2012. – 354 p.
15. Irvine J.T., Gal S. Language ideology and linguistic differentiation // Regimes of Language / ed. by P.V. Kroskrity. – Santa Fe, NM: SAR Press, 2000. – P. 35–83.
16. Rubdy R. Language planning ideologies, communicative practices and their consequences // Encyclopedia of Language and Education / ed. by N.H. Hornberger. – Boston, MA: Springer, 2008. – P. 958–970.
17. Grinev-Griniewicz S. Terminological aspects of modern language policy // Crossroads. A Journal of English Studies. – 2014. – Iss. 6. – P. 4–15. DOI: 10.15290/cr.2014.06.3.01.
18. Griniewicz S. Terminology in the Era of Globalisation // Terminologia. – 2006. – Vol. 13. – P. 10–16.

Информация об авторах

Игорь Борисович Ардашкин, доктор философских наук, профессор Отделения социально-гуманитарных наук Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; ibardashkin@tpu.ru

Александра Игоревна Ардашкина, студент факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; ardashkinaai@mail.ru

Поступила в редакцию: 15.08.2025

Поступила после рецензирования: 22.11.2025

Принята к публикации: 24.12.2025

REFERENCES

1. Frege G. Thought: a logical investigation. *Logico-Philosophical Work*. Novosibirsk, Siberian University Press, 2008. pp. 28–54. (In Russ.)
2. Wittgenstein L. *Philosophical Studies*. Moscow, AST Publ., 2019. 384 p. (In Russ.)
3. Grice H.P. Logic and conversation. *Syntax and semantics*. Vol. 3. Eds. P. Cole, J.L. Morgan. N.Y., Academic Press, 1975. pp. 41–58.
4. Austin J. *Selected Works*. Moscow, Idea-Press Publ., House of Intellectual Books Publ., 1999. 332 p. (In Russ.)
5. Kripke S. *Wittgenstein on rules and private language*. Moscow, Kanon+ ROOI “Rehabilitation” Publ., 2010. 152 p. (In Russ.)
6. Saussure F. *De Cours de Linguistique Générale*. Publ. by Ch. Bally, A. Séchehaye; with the collaboration of A. Riedlinger; critically prepared editor by T. de Mauro; postf. by L.-J. Calvet. Paris, Payot, 1995. 520 p. (In French).
7. D’Onofrio A. *Social meaning in linguistic perception*. Dr. Diss. Stanford, 2016. Available at: <https://purl.stanford.edu/ws744vx9554> (accessed 14 June 2025).
8. Eckert P. Three waves of variation study: the emergence of meaning in the study of sociolinguistic variation. *Annual Review of Anthropology*, 2012, vol. 41, no. 1, pp. 87–100. DOI: 10.1146/annurev-anthro-092611-145828.
9. Eckert P. The limits of meaning: social indexicality, variation, and the cline of interiority. *Language*, 2019, vol. 95, Iss. 4, pp. 751–776. DOI: 10.1353/lan.2019.0072.
10. Nayman E.A. A critical analysis of Western European language ideology (prolegomes to the new social ontology of language). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2019, no. 51, pp. 53–69. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/51/6. EDN: MEZSTR.
11. Silverstein M. Language structure and linguistic ideology. *The Elements*. Eds. P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer. Chicago, Chicago Linguistics Society, 1979. pp. 193–248.
12. Kroskrity P. Language ideologies – evolving perspectives. *Society and Language Use*. Eds. J. Jaspers, J-O. Östman, J. Verschueren. Amsterdam, John Benjamins Publ., 2010. pp. 192–211. DOI: <https://doi.org/10.1075/hoph.7.13kro>.
13. Kroskrity P. Language ideology. *Companion to linguistic anthropology*. Ed. by A. Duranti. Oxford, Blackwell, 2000. pp. 496–517.
14. Lippi-Green R. *English with an accent language, ideology, and discrimination in the United States*. 2nd ed. Routledge, Taylor & Francis Group, 2012. 354 p.
15. Irvine J.T., Gal S. Language Ideology and Linguistic Differentiation. *Regimes of Language*. Ed. by P.V. Kroskrity. Santa Fe, NM, SAR Press, 2000. pp. 35–83.
16. Rubdy R. Language planning ideologies, communicative practices and their consequences. *Encyclopedia of Language and Education*. Ed. by N.H. Hornberger. Boston, MA, Springer, 2008. pp. 958–970.
17. Grinev-Griniewicz S. Terminological aspects of modern language policy. *Crossroads. A Journal of English Studies*, 2014, Iss. 6, pp. 4–15. DOI:10.15290/cr.2014.06.3.01.
18. Griniewicz S. Terminology in the Era of Globalization. *Terminologia*, 2006, vol. 13, pp. 10–16.

Information about the authors

Igor B. Ardashkin, Dr. Sc., Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; ibardashkin@tpu.ru

Alexandra I. Ardashkina, Student, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; ardashkinaai@mail.ru

Received: 15.08.2025

Revised: 22.11.2025

Accepted: 24.12.2025